Самодержец всероссийский

3 экз

ПАРТІИ СОЦІАЛИСТОВЪ-РЕВОЛЮЦІОНЕРОВЪ.

Въ борьбѣ обрѣтешь ты право свое!

САМОДЕРЖЕЦЪ ВСЕРОССІЙСКІЙ.

(каррикатура изъ Brooklin Eagle). 2. Ника-Милуша и Макаки (басня). 3. Монологъ Николая II. (Марка Твэна). 4. Недалекое будущее (каррикатура изъ Simplicissimns'а).

Цѣна 20 с.—Prix 20 cts.

1905.

Печатано въ типографіи П. С.-Р.

ПАРТІЯ СОЦІАЛИСТОВЪ-РЕВОЛЮЦІОНЕРОВЪ.

Въ борьбѣ обрѣтешь ты право свое!

САМОДЕРЖЕЦЪ ВСЕРОССІЙСКІЙ.

СОДЕРЖАНІЕ:

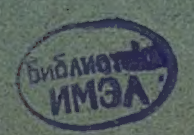
Цѣна 20 с.—Prix 20 cts.

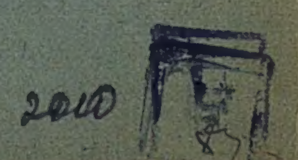
1905.

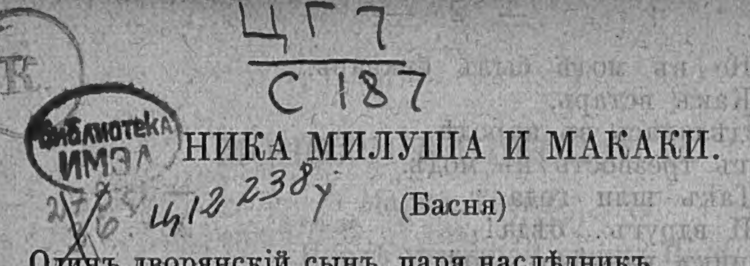
Печатано въ типографіи П. С.-Р.

Жилъ-былъ на свѣтѣ человѣкъ, который думалъ остановить восходъ солнца, помѣшавъ пѣтуху кричать на разсвѣтѣ.

(Изъ америк. газеты "Brooklin Eagle".)

НИКА МИЛУША И МАКАКИ.

(Басня)

Одинъ дворянскій сынъ, царя наслѣдникъ,
Чтобъ отъ баловъ придворныхъ отдохнуть,
    Въ Японію направилъ путь.
    (Придумалъ же, бездѣльникъ!)
Японокъ пѣснь любви въ диковинку у насъ;
Понятно, что дворянскій глазъ
Узрѣть хотѣлъ ту новую страну.
Что было въ Токіо, о томъ не помяну...
    Но, возвратившися домой,
    Нашъ офицеръ чесалъ затылокъ свой
    И говорилъ въ слезахъ царю-отцу:
    „Не надо балеринъ! Сейчасъ хочу къ вѣнцу!"

        Такіе случаи бываютъ—
        И миротворцы „въ Бозѣ" почиваютъ.
Напрасно у одра взывалъ къ царю царей
Кронштадтскій магъ, придворный чародѣй.
Свершилось! Умеръ тотъ, который миръ любилъ,
    Съ Черевинымъ коньякъ заморскій пилъ
    И земскій институтъ начальникомъ снабдилъ.
    Что Божій Промыселъ и что Законовъ Сводъ—
        Одно и тоже:
        На то похоже,
Что Богъ, какъ Грингмутъ,—русскій патріотъ.
        Итакъ, по волѣ Высшаго Совѣта,
        Наслѣдникъ сталъ царемъ.
Историкъ „Кремль" издалъ и возгласилъ: „Начнемъ!
Конецъ страницамъ ветхаго завѣта"...
„Зачѣмъ прокладывать намъ новыя тропы,
    Когда въ лѣсу видны отцовскія стопы?
    Я мирный человѣкъ. Я тихій семьянинъ,"—
    Сказалъ, садясь на тронъ, стыдливо дворянинъ.
(О кубкѣ мира и русской брагѣ
И посейчасъ толкуютъ всѣ въ Гаагѣ).

Умомъ похвастаться нашъ юный царь не могъ,
Но для царей вѣдь глупость не порокъ,
    И началось правленье...
        На удивленье!
    При сынѣ хлеще били,
    Хоть порку отмѣнили.

Не въ модѣ былъ букварь,
Какъ встарь,
Но сдѣлалась въ народѣ
Вдругъ трезвость въ модѣ.
Такъ шли года,
И вдругъ... бѣда!
Шутникъ какой-то злой
Сказалъ царю: „Владыко, ты герой!“
Повѣрилъ тотъ,
И вотъ

Сталъ гнѣваться, пыхтѣть и надуваться;
(Въ литературѣ царь хромалъ, —
Лягушки лопнувшей исторіи не зналъ)
Съ Наполеономъ, вишь, сравняться
Вдругъ захотѣлось дворянину.
Тутъ вспомнилъ онъ макаку, гейшъ, дубину...
„Хочу Японію“—кричалъ онъ, что есть силъ
(Въ то время Серафимъ чудесъ ужъ не творилъ).
И вторила сынку мамаша:
„Манчжурія давно ужъ наша“.

Что сказано царемъ, то рѣшено—
Пусть рубятъ на Востокъ окно!
Повѣренный небесъ, убійства врагъ, синодъ
Зоветъ отъ мирныхъ сохъ къ оружію народъ.
Купечество берется за карманы.
(Въ „Крестѣ“ опять изъяны).
Вождямъ подносятся иконы;
И податей крестьянскихъ милліоны
Текутъ въ Манчжурію и таютъ тамъ
На страхъ врагамъ.
Готовъ и хитрый планъ войны...
Впередъ, отечества сыны!
Ур-ра! Молебны... колокольный звонъ...
„За Русь!“ „За вѣру!“ „За царя!“ „За тронъ!“
И грезятся царю трофеи —
Лѣса Кореи!..

Макака, хоть и малъ,
Но не сплошалъ,—
Взялъ въ плѣнъ иконы супостатъ,
Мы жъ пятимся назадъ, назадъ, назадъ...
И говоритъ нашъ царь своей мамашѣ,
Изъ Царскаго Села тихонько возвратясь
И на постель пуховую ложась:
„Бить внутреннихъ враговъ куда какъ краше!!!

МОНОЛОГЪ НИКОЛАЯ II.

Марка Твэна.

> Послѣ утренней ванны Царь имѣетъ обыкновеніе, прежде чѣмъ приступить къ одѣванью, посвящать часъ размышленіямъ.
>
> Изъ корреспонденцій Лондонскаго *Times*'а.

(Разсматривая себя въ зеркало). Голый, что представляю я изъ себя? Тощій, невзрачный, съ длинными, паукообразными ногами, я—пасквиль на образъ и подобіе Божіе! Голова, точно слѣпленная изъ воска, желтое лицо, въ которомъ столько же выразительности, сколько въ любой дынѣ, —уши торчкомъ, угловатые локти, плоская грудь, ребра на перечетъ, костлявыя ноги, которыя напоминаютъ снимокъ рентгеновской фотографіи!.. Во всемъ этомъ—слѣдуетъ сознаться—нѣтъ рѣшительно ничего императорскаго, ничего величественнаго, ничего внушающаго страхъ и благоговѣніе. И предъ такимъ-то произведеніемъ природы склоняется въ прахъ сто сорокъ милліоновъ русскаго народа?! Немыслимо! Кто можетъ преклоняться предъ этой смѣшной фигурой, которая и есть Моя Особа. Передъ кѣмъ же или передъ чѣмъ они преклоняются? Говоря по секрету, никто лучше меня не знаетъ, въ чемъ разгадка: они молятся на мое платье. Безъ одежды я настолько же лишенъ всякаго авторитета, какъ и любой голый человѣкъ. Никто не отличилъ-бы меня отъ какого-нибудь попа или цирюльника. Но тогда, кто-же является фактическимъ Императоромъ Всея Россіи? Мой мундиръ съ пантолонами; другого нѣтъ.

Тейфельсдрэкъ сказалъ: „Что было-бы съ человѣкомъ—съ какимъ угодно человѣкомъ—не будь у него одежды?" Стоитъ мнѣ только задуматься надъ этимъ вопросомъ, и мнѣ дѣлается ясно, что безъ платья человѣкъ былъ-бы ничѣмъ. Костюмъ не только дополняетъ человѣка, костюмъ есть весь человѣкъ; лишенный костюма, онъ ноль, Торичелліева пустота, нѣчто не существующее.

Чины и титулы — другая фабрикація, и тоже составляютъ часть костюма. Титулы и мануфактурные товары скрываютъ ничтожество ихъ обладателя; онъ кажется великимъ, непостижимымъ, тогда какъ на дѣлѣ въ немъ нѣтъ никакого содержанія. Они заставляютъ цѣлую націю склонить колѣна и искренно боготворить царя, который безъ своей мантіи и титула упалъ-бы до уровня сапожника и потерялся-бы навсегда

въ массѣ людей, которымъ цѣна — грошъ. Раздѣтый царь въ мірѣ неодѣтыхъ людей, быть-можетъ, не привлекъ-бы ничьего вниманія, и, получивъ свою долю толчковъ и побоевъ, подобно всякому иному непатентованному смертному, пожалуй, принялся-бы служить человѣчеству, таская за гривенники чужіе саквояжи. Но этотъ-же самый Царь — благодаря этимъ двумъ фабрикаціямъ — своему мундиру и титулу, и только благодаря имъ — боготворимъ своими подданными; можетъ по прихоти и безнаказанно ссылать, преслѣдовать и травить ихъ, какъ онъ травилъ-бы крысъ, если-бы случайность рожденія опредѣлила ему профессію, гораздо болѣе подходящую къ его врожденнымъ способностямъ, чѣмъ ремесло императора.

Что за громадная, всепокоряющая сила заключается въ томъ, что на человѣкѣ надѣто и въ его титулѣ! Они наполняютъ зрителя благоговѣніемъ, повергаютъ его въ трепетъ, и все это — вопреки тому, что узурпаторское происхожденіе нашей императорской власти ему отлично извѣстно: вѣдь онъ превосходно знаетъ, что власть каждаго царя есть власть беззаконно пріобрѣтенная и беззаконно уступленная или возложенная людьми, которымъ она никогда не принадлежала. Ибо монархи если и избирались когда-либо, то лишь аристократіями; народомъ же — никогда.

Нѣтъ власти безъ мундира или парадной формы. Они правятъ человѣчествомъ. Отнимите то и другое у властей предержащихъ, и ни одной страной нельзя будетъ управлять; голые начальники были-бы лишены всякаго авторитета. Они казались-бы (и были-бы на самомъ дѣлѣ) заурядными людьми, субъектами безъ всякаго значенія. Полицейскій въ штатскомъ платьѣ —не болѣе какъ одно человѣческое существо; но тоже существо въ мундирѣ — цѣлыхъ десять человѣкъ. Одежда и титулъ— вотъ самая солидная и вліятельная вещь на землѣ; они внушаютъ человѣчеству добровольное и искреннее уваженіе къ судьѣ, къ генералу, адмиралу, къ митрополиту, къ посланнику, къ глупому графчику, къ идіоту герцогу, къ султану, королю, императору. Никакой титулъ не дѣйствителенъ безъ соотвѣтственнаго костюма, созданнаго для его поддержки. Даже среди голыхъ дикарей король племени носитъ какую-нибудь тряпку или украшеніе, которыя онъ объявляетъ священными и запрещаетъ носить другимъ. Король великаго Фанскаго племени носитъ на плечѣ обрывокъ леопардовой шкуры, какъ священную царскую регалію — больше на немъ ничего нѣтъ. Но безъ этого обрывка, которымъ онъ внушаетъ почтеніе и трепетъ соплеменникамъ — его королевское ремесло стало-бы для него невозможнымъ.

(Помолчавъ). Странная, непостижимая выдумка — человѣчество! Кишащіе милліоны русскихъ людей позволяли въ

теченіе столѣтій Нашему Семейству грабить ихъ, оскорблять ихъ, топтать ногами, и жили и умирали съ единственной цѣлью и обязанностью служить этому семейству и его удобствамъ. Этотъ народъ — лошадиный народъ, — да, именно, это нація лошадей, носящихъ одежду и исповѣдующихъ православіе. Лошадь, обладай она силой даже ста человѣкъ, позволяетъ одному человѣку бить ее, морить голодомъ, помыкать ею; милліоны-же русскихъ людей позволяютъ горсти солдатъ держать ихъ въ рабствѣ — а солдаты-то — ихъ родные сыновья и братья!

Еще одна вещь — поистинѣ смѣшная, если хорошенько подумать объ ней: весь свѣтъ преспокойно примѣняетъ къ царю и царизму тѣ же ходячія правила нравственности, которыя приняты въ цивилизованныхъ странахъ! На томъ только основаніи, что въ свободномъ государствѣ дурно устранять злодѣевъ иначе какъ по суду, на основаніи закона, считается, что это же правило примѣнимо и къ Россіи, гдѣ нѣтъ покровительства законовъ,—кромѣ какъ для Нашего Дома. Законы — это извѣстныя ограниченія свободы дѣйствій; въ цивилизованныхъ странахъ они ограничиваютъ свободу всѣхъ, и въ одинаковой мѣрѣ для всѣхъ, что совершенно правильно. Но въ Россіи и тѣ законы, какіе существуютъ, всегда принимаютъ одно исключеніе — Нашъ Домъ. Мы поступаемъ по своему усмотрѣнію, мы поступали такъ въ теченіе столѣтій. Нашимъ ремесломъ было преступленіе, нашей забавой—убійства, нашей обычной пищей — кровь, кровь народа. На нашихъ головахъ тяготѣютъ милліоны убійствъ. И все-таки благочестивый моралистъ говоритъ, что убивать нашего брата — преступленіе. Мы и наши дядья — мы составляемъ змѣиное гнѣздо, во власти котораго сто сорокъ милліоновъ кроликовъ; и вотъ мы ихъ душимъ, терзаемъ и кормимся ими во всѣ дни нашей жизни. И все-таки моралистъ говоритъ, что убить нашего брата не долгъ, а преступленіе.

Не мнѣ говорить это (по крайней мѣрѣ вслухъ), но, по секрету, какъ не сказать, что это очень наивно и забавно. Даже нелогично: Императорская Фамилія стоитъ выше закона; нѣтъ закона, который настигъ-бы ее, удержалъ ее и защитилъ отъ нея народъ. Слѣдовательно, мы — внѣ закона, *hors de loi*. А людей, стоящихъ внѣ покровительства закона — можетъ безнаказанно убить всякій. Ахъ, чтобы мы дѣлали безъ моралиста!? Онъ былъ всегда нашей опорой, нашимъ защитникомъ и другомъ; въ настоящее время онъ нашъ единственный другъ. Каждый разъ, какъ начинался или начинается разговоръ о нашей казни — моралистъ ужъ тутъ со своими глубокими изреченіями. „Стой! Не было еще примѣра, чтобъ насиліемъ было достигнуто что-либо имѣющее политическую цѣнность“. Надо думать, что моралистъ искренно вѣритъ въ истину этого изреченія. Понятно: у него нѣтъ подъ рукой учебника исторіи, откуда онъ увидѣлъ-

бы, что его излюбленное изреченіе не поддерживается статистическими данными. Всѣ троны были воздвигнуты съ помощью насилія; только насиліемъ удавалось сбросить тираннію; насиліемъ мои предки утвердили нашъ престолъ; убійствами, измѣной, пытками, ссылкой и тюрьмами они удержали его четыре столѣтія въ своихъ рукахъ, и тѣми же средствами удерживаю его Я! Ни одинъ опытный Романовъ не откажется перевернуть изреченіе и сказать: „Только насиліемъ можно чего-либо достигнуть". Моралистъ понимаетъ, что съ начала нашей исторіи нашъ тронъ въ первый разъ теперь въ серьезной опасности; но онъ не понимаетъ, что причиной такого положенія дѣлъ — четыре насильственныхъ поступка: убійство Финляндской конституціи моею рукою, убійство революціонерами Бобрикова и Плеве, и моя бойня безобидныхъ рабочихъ въ тотъ день. Зато кровь, текущая въ моихъ жилахъ, воспитанная наслѣдственно, по традиціи чуткая къ убійствамъ, прошедшая четырехвѣковую школу въ жилахъ профессіональныхъ палачей, моихъ предковъ — эта кровь понимаетъ и чуетъ то, что отъ моралиста закрыто! Эти четыре убійства пробудили жизнь въ неподвижной и темной глубинѣ народнаго сердца, больше чѣмъ то могли сдѣлать какіе-угодно моральные доводы; эти четыре дѣла разбудили ненависть и надежду въ давно застывшемъ народномъ сердцѣ; и тихо, тихо, но неотвратимо эти чувства заползутъ въ каждую грудь и овладѣютъ ею. Со временемъ даже въ душу солдата... страшный день, роковой день!.. Да, что-то будетъ! Какъ мало знаетъ моралистъ-резонеръ о нравственной силѣ убійствъ!.. Да, послѣдствія будутъ! Россія напряжена и скоро родится нѣчто могучее — патріотизмъ! Говоря простымъ, грубымъ и грознымъ языкомъ — настоящій патріотизмъ; любовь не къ Царскому Дому, не къ народному Вымыслу, а любовь къ самому народу и вѣрность ему!

Въ Россіи двадцать пять милліоновъ семей, у каждой матери ростетъ ребенокъ, и если эти двадцать пять милліоновъ матерей любятъ свою родину, то онѣ будутъ каждый день повторять своимъ сыновьямъ: „Помни одно, прими это къ сердцу, живи и умри за это, если нужно: нашъ патріотизмъ прошлыхъ временъ изношенъ и гнилъ; есть другой патріотизмъ, есть настоящая любовь къ родинѣ; этотъ патріотизмъ означаетъ вѣрность родинѣ всегда, черезъ всѣ испытанія, и вѣрность правительству лишь до тѣхъ поръ, пока оно того заслуживаетъ". Когда выростутъ эти двадцать пять милліоновъ истыхъ патріотовъ — патріотовъ такъ взрощенныхъ и воспитанныхъ, — то мой наслѣдникъ не посмѣетъ стрѣлять въ толпу беззащитныхъ просителей, униженно молящихъ его о справедливости... какъ я сдѣлалъ въ тотъ день.

(Пауза) Ну, мнѣ разстроили нервы эти вырѣзки изъ га-

зетъ, которыя я нашелъ подъ подушкой. Прочту ихъ снова (Читаетъ).

ИЗБІЕНІЕ ПОЛЬСКИХЪ ЖЕНЩИНЪ.

Варварское обращеніе съ женами запасныхъ. По меньшей мѣрѣ одинъ смертный случай.

Спеціальная телеграмма Нью-Іоркскаго *Times*'а.

Берлинъ. 27-го Ноября. Въ Кутно, городкѣ на польской границѣ, русскія власти, разъяренныя нежеланіемъ польскихъ войскъ разстаться съ женами и дѣтьми, обошлись съ народомъ почти съ невѣроятной жестокостью.

Извѣстно, что одна женщина была засѣчена до смерти, и что много другихъ были избиты.

Пятьдесятъ лицъ брошены въ тюрьму. Нѣкоторыхъ арестантовъ мучили до потери сознанія.

Подробности жестокостей неизвѣстны, но повидимому казаки отрывали резервистовъ отъ ихъ женъ и дѣтей, и затѣмъ избивали нагайками женщинъ, которыя слѣдовали за мужьями на улицу.

Если запасныхъ нельзя было найти, то женъ ихъ тащили за волосы на улицу и тамъ избивали.

Говорятъ, что уѣздный начальникъ и командиръ полка смотрѣли безучастно на все происходившее.

Съ одной дѣвушкой, которая

ЦАРЬ, КАКЪ ПОМАЗАННИКЪ БОЖІЙ.

Народъ проводитъ ночь въ постѣ и молитвѣ передъ его пріѣздомъ въ Новгородъ.

Спеціальная каблеграмма Лондонскаго *Times*'а и Нью-Іоркскаго *Times*'а.

Лондонъ. 27-го Іюля. Корреспонденты лондонскихъ газетъ въ Россіи говорятъ, что слѣдующая выдержка изъ *Petersburger Zeitung*, описывающая пребываніе царя въ Новгородѣ, лучше всего иллюстрируетъ рабское обожаніе, которымъ подданые царя считаютъ нужнымъ его окружать:

„Благословеніе Его Величествомъ колѣнопреклоненнаго войска представляло глубоко трогательную картину.

„Его Величество, поднявъ кверху святую икону, произнесъ благословеніе отъ своего имени и отъ имени Императрицы.

„Тысячи людей плакали, растроганные и взволнованные. Ученицы школъ усыпали розами дорогу монарха.

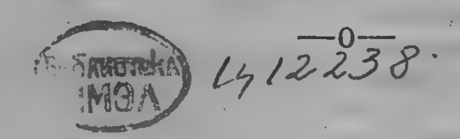
„Народъ тѣснился вокругъ экипажа, чтобы унести въ памяти незабвенныя черты Божьяго Помазанника. Многіе изъ стариковъ провели предшествующую ночь въ постѣ и молитвѣ, чтобы быть достойными лицезрѣть Государя съ чистой, несмятенной душою.

занималась раздачей соціалистическихъ листковъ, было поступлено отвратительнымъ образомъ.

„Величайшій энтузіазмъ царитъ въ народѣ, благодаря этому подаренному имъ счастью“.

(Т р о н у т ы й). Какой стыдъ!.. Съ другой стороны, какъ мелко! А главное, какъ нелѣпо!.. И какъ подумаешь, я сдѣлалъ все это. Тутъ вывернуться невозможно — я э т о с д ѣ л а л ъ! И я же принялъ благосклонно это ползаніе на колѣняхъ и трепетное благоговѣніе!.. Я — этотъ вотъ человѣкъ въ зеркалѣ. Одной рукой я засѣкалъ невинныхъ женщинъ и замучивалъ арестантовъ; другой я воздѣвалъ къ небу разрисованную доску и призывалъ благословеніе моего собрата-бога на моихъ покорныхъ живстныхъ, которыхъ, Его милостью, мы мучимъ адскими муками вотъ уже четыре долгихъ столѣтія!.. Да, это картина! Это существо въ зеркалѣ — это почти растеніе — является признаннымъ божествомъ сильной націи, людей безъ счета, и никто не смѣется! И въ то же время, это существо — старательный и опытный шаманъ... И никто не удивляется, не находитъ въ этомъ ничего безсмысленнаго! Не глупая-ли шутка вообще все человѣчество? Не было-ли оно выдумано какъ попало, въ тоскливый часъ, отъ нечего дѣлать? Есть-ли въ немъ хоть капля уваженія къ себѣ? Не уважаю и я его — да и себя за одно. Есть только одно спасеніе — мои царскія одежды; мундиръ и мантія, воскрешающіе уваженіе къ самому себѣ, поднимающіе духъ! Лучшій даръ неба человѣку, и единственная защита противъ познанія самого себя. Обманывая человѣка, платье возвращаетъ ему сознаніе собственнаго достоинства. Боже мой, какъ сострадательно платье, какъ оно благодѣтельно, какъ могущественно, какъ неоцѣненно! Что до моего собственнаго, то оно превращаетъ человѣческій ноль въ величину, бросающую свою тѣнь на половину земного шара. Оно возвращаетъ мнѣ уваженіе всего міра — и мое собственное, — увы, поколебавшееся... Надѣть его поскорѣе...

—0—

•НЕДАЛЕКОЕ БУДУЩЕЕ•

ИСХОДЪ ПОСЛѢДНЯГО ИЗЪ "РОМАНОВЫХЪ" ИЗЪ РОССІИ.

70.	Листовка № 4. Что такое Земскій Соборъ и конституція	10.000	„
71.	„ 5. Откуда пошла русско-японская война (разошлось)	10.000	„
72.	„ 6. Кто врагъ? (разошлось)	10.000	„
73.	„ 7. Хватило-ли бы на всѣхъ земли? (разошлось)	10.000	„
74.	„ 8. О наказаніи сильныхъ злодѣевъ (разошлось)	10.000	„
75.	„ 9. Горе русскихъ солдатиковъ (разошлось)	10.000	„
76.	„ 10 Сказка о царѣ Акакіи	10.000	„
77.	„ 11. Портъ-Артурское сидѣнье	10.000	„
78.	„ О «фондѣ народнаго просвѣщенія» (разошлось)	10.000	„
79.	„ 13. Паденіе самодержавія	10.000	„
80.	„ 14. Какъ попы обманыв. народъ	10.000	„
81.	„ 15. Либералы и соц.-демокр.	10.000	„
82.	Царь	10.000	„
83.	Д. Хилковъ. Революція и сектанты	10.000	„
84.	Маньковскій. Сорокъ дней передъ казнями	10.000	„
85.	Воззваніе Г. Гапона къ крестьянамъ	40.000	„
86.	Араратскій. Подвиги царизма (изд. совмѣстн. съ Армян. Рев. Федераціей)	10.000	„
87.	Матросы Чернаго моря	20.000	„

Перепечатаны:

88.	Ко всему русскому крестьянству	20.000	„
89.	Кризисъ и безработица	20.000	„
90.	Къ солдатамъ отъ рабочихъ соц.-рев.	20.000	„
91.	Эхъ, пора бы, братцы	20.000	„
92.	Хитрая Механика	30.000	„
93.	Разсказы изъ русской исторіи ч. 2-я	20.000	„
94.	Хватило ли бы для всѣхъ земли, если бы ее разверстать правильно	20.000	„
95.	Бесѣды о землѣ	20.000	„
96.	Разсказы изъ русской истори ч. 1-я	5.000	„

Періодическія изданія.

«Революціонная Россія» №№ 1—75. «Вѣстникъ Русской Революціи» №№ 1—4. «Народное Дѣло» №№ 1—5. «Былое» №№ 3—5.